

Олег Губарь

Функции Одесского строительного комитета

в контексте истории градостроительства
Одессы*

Городские часы

Первые ремесленные цеха – портняжеский, кушнерский и др. – сформировались уже в 1797-1798 гг.¹ Цех, к которому приписывались часовщики, был создан несколько позднее – как элитарный, ремесло которого не относилось к изготовлению и ремонту предметов первой необходимости. 4 июня 1805 года Строительный комитет получил из Одесского городского магистрата следующее сообщение: «Благоволит оный Комитет быть известен, что по прошению часовых и серебряных дел мастеров, медников, стекольщика и шмуклеров, всего семнадцати человек, вновь ремесленная часовых и серебряных дел управа составлена, и избранным от тех мастеров управным старшинам Ефиму Колосовскому и Мортку (то есть Мордке, Мордехаю. – **О. Г.**) Гершковичу указом предписано, чтобы оне, тотчас собрав поясненных мастеров, открыли оную управу и в отправление должностей вступили...».²

При этом из отчета городского полицмейстера от 9 декабря 1804 года видно, что на этот момент собственно часовщики не значатся ни среди ремесленников, ни среди немецких колонистов. Правда, в числе колонистов есть один золотых дел мастер и два слесаря, по существу механика, готовых обслуживать, по крайней мере, башенные часы.³ Исследователей не должен вводить в заблуждение упоминаемый с 1805 г. в архивных делах «дом Часоденного общества»⁴. Это собственность отнюдь не некоего сообщества местных часовщиков, а часовников, религиозной

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47, 49, 50, 54.

общины, отколовшейся от старообрядческой. Скромная коллективная постройка служила для них временным храмом, которому позднее наследовала Успенская единоверческая церковь.

Теперь – относительно времени устройства и местоположения первых городских часов.

В журнале заседаний Строительного комитета от 15 марта 1817 года речь идет о выплате жалованья сторожам различных подконтрольных комитету учреждений за январь-февраль, и в их числе – трое при городских часах, с жалованьем по 5 рублей в месяц.⁵ Это означает: первые городские часы устроены не позднее 1816 года. Однако более точная датировка по архивным материалам как будто невозможна, в частности, ввиду того, что журналы заседаний за весь 1816 год не сохранились⁶. Можно, конечно, предположить, что они установлены намного раньше, ибо до нас не дошли комитетские журналы за весь 1804 год, вторую половину 1809-го, первую половину 1810-го, первую половину 1812-го.⁷ Однако такое допущение представляется мне маловероятным, ибо в подобном случае в остальных сохранившихся журналах где-либо непременно промелькнули бы расходы, связанные с охраной и обслуживанием часов. Поэтому дата 1816 год наиболее вероятна.

Для того чтобы локализовать местоположение первых городских часов, надо учитывать ряд сопутствующих обстоятельств. Прежде всего, замечу: нельзя отождествлять этот «городской хронометр» с солнечными часами, устроенными в Казенном саду, поскольку здесь функционировал отдельный штат сторожей, подчиненный смотрителю сада. Солнечные часы, о чем едва ли кто вообще знает, существовали здесь, по крайней мере, уже летом 1812 года. В журнале ОСК от 22 августа этого года речь идет о счете текущим расходам смотрителя сада, представителя неизвестного семейства Савоини. В их числе – девять рублей «сторожу Василию» и 20 рублей «за окраску палисадника кругом солнечных часов»⁸. Эти часы, носившие скорее декоративный, нежели практический характер, неоднократно упоминаются и в дальнейшем. Скажем, 26 июня 1818 года Комитет компенсирует городскому садовнику Герману в числе его текущих издержек 12 рублей за окраску ограды и подставки солнечных часов.⁹

Примерно такие же солнечные часы когда-то украшали Казенный сад

Тремя днями позднее, 29 июня 1818 года, начинается проект устройства вторых городских часов – на фронтоне Городского театра. Этот сюжет уместно рассматривать во взаимосвязи с интересующей нас локализацией первых. Почему? Совершенно ясно, что вторые дорогостоящие городские часы ни в коем случае не стали бы устанавливать напротив или даже вблизи первых. И таким образом они не могли находиться на казенном таможенном доме, бывшем Кирьякова, ни на других строениях по Театральной площади и примыкающим кварталам. Но, может быть, первые часы тоже находились на театре, и речь идет о простой замене старых часов новыми? Нет, и эта версия не имеет оснований, ибо уже после устройства театральных часов, 28 марта 1821 года, «для смотрения как за сими часами, так и за другими, городскими, договорен часовой мастер Марибо за 500 р. в год».¹⁰ Кроме того, из записи в комитетском журнале от 12 августа 1818 года, то есть еще до начала фактического устройства театральных часов, упоминаются санкционированные Ланжероном в ответ на прошение унтер-офицера Морозова,

рядовых Галатенка и Осипа Новикова «за службу при городских часах» расходы в сумме 24 рубля.¹¹

Где же могли находиться первые городские часы? Ясно, что в особо значимом социальном месте, причем они должны были выполнять некую важную практическую функцию, а не просто служить для сверки. Таким местом должна быть площадь, причем, как уже сказано, не Театральная. Будущая Полицейская, где помимо городской полиции находился и магистрат? Базарная? Храмовая? Первые храмовые часы появились в католической церкви. Контракт «с иностранцем, слесарным мастером Эбервин, о наблюдении ему за состоящими при одесской католической церкви часами и о починке оных» заключен 18 января 1809 года. Согласно этому контракту, он сразу получил 100 рублей за ремонт оных, а далее ему полагалось получать столько же ежегодно.¹² Не похоже, что это были более чем дорогостоящие башенные часы-куранты, скорее всего – большие настенные. Из других архивных документов следует, что немецкий колонист Корнелиус

Городской театр до установки часов

Городской театр с часами на фасаде со стороны ул. Ришельевской

Эбервейн промышлял «ремеслом слесаря». 22 июля 1808 года он просил об отводе двух мест под застройку на будущей Лютеранской площади, в так называемой Верхней (немецкой) Колонии, причем 17 ноября того же года товарищ главного судьи конторы опекунства надворный советник Розенкамф подтвердил Комитету его состоятельность¹³. Всё так, но эти часы вовсе не были городскими, а принадлежали католической общине, на ее же счет обслуживались и охранялись.

Из архивного дела 1836-1838 гг. явствует, что «боевые часы» «для постановления на Соборной церкви» куплены Городской думою лишь в 1828 году.¹⁴ Нет никаких упоминаний о часах на греческой Свято-Троицкой церкви. Из существовавших не позднее городских храмов остается лишь единоверческий Покровский. И вот тут-то открывается возможность четко и однозначно ответить на вопрос появления и местоположения первых одесских городских часов. В архивном фонде Думы сохранилось прелюбопытное дело от 7 июня 1832 года под заголовком «По сообщению Одесского строительного комитета о принятии в ведение Думы часов от титулярного советника Кривчикова, находящихся при здешней Покровской церкви», где довольно подробно изложена история этих часов:

«В 1816 году (наши предположения полностью подтверждаются. – О. Г.) по распоряжению Комитета куплены для города часы с деревянным ящиком, которые находились при Покровской церкви под надзором часового мастера Марибо, к коим для подания сигнала в колокол был приставлен от полиции инвалидный рядовой солдат, но по случаю взятия оного в (инвалидную. – О. Г.) команду часы оставались без всякого сбережения, которые взял под свое сохранение комиссар Комитета титулярный советник Кривчиков. И как упомянутые часы принадлежат городу, то на основании определения, сего июня 2 числа состоявшегося, предписано г. Кривчикову отдать оные в ведение Одесской градской думы, которую просят, приняв оные от г. Кривчикова, уведомить Комитет. Не оказавшего же при часах ключа и дверок предписал с сим вместе часовому мастеру Марибо тотчас сделать».¹⁵

Механизм башенных часов

Итак, первые городские часы Одессы были не башенными, а настенными. Почему Комитет передал их Покровскому храму? Причин несколько. Главная связана с выгодным местоположением этой церкви – по главной торговой магистрали, Александровскому проспекту, на одинаковом удалении от крупнейшего рынка, Старого базара, и Северной площади (Греческого базара). В то же время Покровский храм находился и примерно на одинаковом расстоянии от Свято-Троицкой церкви и Преображенского собора, причем топографически лежал с ними на одной линии. Таким образом, сверенный по часам удар колокола сигнализировал не только о времени богослужений, но по нему, скажем, поднимали флаг на Вольном рынке, означавший начало торговых часов.

Городской театр в третьей четверти XIX ст., с новыми часами

Свою роль в передаче часов старообрядческой церкви, очевидно, сыграла и мощь этой общины. Ее представители, крупные коммерсанты, занимали ведущие позиции в городском управлении, и как раз в 1816 году городским головой служил купец-старообрядец Яков Протасов. В числе первых городских голов вообще преобладают старообрядцы – Ларион Портнов (1797-1800), Иван Мигунов (1803-1806), Иван Андросов (1809-1812), Семен Андросов (1812-1815), Яков Протасов (1815-1818).¹⁶ Более подробно история Покровского храма, причта, прихожан, застройки этого района рассмотрена мною в главе о Гостиных (Красных) рядах.¹⁷

Разобравшись с первыми городскими часами, перейдем ко вторым. Выше упоминалось о том, что проект стартовал 29 июня 1818 года. В этот день одесский житель итальянского происхождения Анджело Сперанди (Angelo Sperandi) подал в ОСК прошение следующего содержания: «Осведомился я, что оный Комитет намеревается сделать городовую колокольню. Как же сие выходит по части моего ремесла, и что я могу взяться по заказу одного

Комитета сделать такую колокольню, какую пожелает начальство делать, о сем объявляя оному Комитету, покорнейше прошу допустить меня к предъявлению моего плана и сметы».¹⁸ Пусть читателя не смущает формулировка «городовая колокольня», поскольку проситель имеет в виду башенные часы с боем. Неясно, правда, берет ли он на себя всю работу, то есть собственно часовую и слесарную, либо только вторую.

Как бы то ни было, но в архивных документах это лицо более не фигурирует. И только 31 июля 1819 года датировано обращение ОСК к куратору Городского театра и одновременно члену Комитета коммерции советнику Жану Рено. Сообщается: мастер Франц Каstellаций (Кастеллацци) изготовил для города часы, которые надлежит освидетельствовать. Посему ремесленная управа должна «назначить из числа часовых дел мастеров трех человек, известных управе в сведениях по их ремеслу». На другом листе того же архивного дела мы видим сентябрьское 1818 года поручительство антрепренера итальянской оперы Джованни Мантовани: мол, иностранец Франц Каstellлацци сведущ, обаятелен и проч.¹⁹ Понятно, поручительство сработало, коль скоро этот мастер в относительно короткий срок изготовил часы.

Что до «колокольни» к этим часам, то ее по контракту сделал мастер кузнечного цеха Юзеф (Джузеппе) Финели (Vinella). Конструкция весила 46 пудов 35 фунтов, но в 1819 году еще не была установлена.²⁰ Калужский мещанин Григорий Нежежин доставил в Одессу два колокола для часов: один весом в 41 пуд 27,5 фунта, другой – 22 пуда 23,5 фунтов, «и сложил близ театра». За это ему полагалось заплатить 3.662 рубля 25 копеек.²¹ Из других документов выясняется, что за Каstellлацци поручался также известный строительный подрядчик Симон Томазини, причем сам мастер просил за всю работу 4.000 рублей. Часовые мастера, производившие освидетельствование, сделали некоторые замечания относительно небольшого размера циферблата, недостаточно громкого боя часов и др. Надо полагать, Каstellлацци произвел исправления, ибо через два месяца после освидетельствования получил транш в 1.000 руб., а ранее аванс в 500 руб. 22 ноября 1820 года под надзором Фраполли установка часов на театральном фронтоне была уже завершена, причем архитектор выставил

счет на дополнительные расходы по закупке досок, гвоздей, канатов, бревен, болтов, костылей, железа, кровельные, плотницкие и столярные работы, наем поденщиков, остекление и др., всего 829 руб. 35 коп.²²

Вся эта информация, с некоторыми добавками и уточнениями, дублируется синхронными журналами заседаний Строительного комитета. Так, контракт с Кастеллацци под поручительство Мантовани заключен 30 сентября 1818 года, причем аванс обозначен не в 500, а в 1.000 руб.²³ 20 октября 1819-го Фраполли получил на установку часов 200 рублей сверх указанных выше.²⁴ 11 ноября 1819 года комитетский прораб Кривчиков, докладывая о доставке Невежиным колоколов, уточняет: «По пробе сделанной, сии колокола оказались крепки звона и для слуха приятны»²⁵. Из журнала заседаний ОСК от 15 декабря видно: контракт Кастеллацци составил 4.000 руб., и в этот день Комитет санкционировал выдачу второй после аванса тысячи рублей. Оставшиеся 2.000 ему причитались после испытания, когда часы полностью установят и смонтируют²⁶. Заключенный 15 августа 1819 года контракт с иностранцем Иосифом Фанелли «о построении железных вещей для колокольни к часам на Театре» предусматривал выплату 1.246 р. 87 коп., каковые и были выданы²⁷.

Представьте себе, во что обошлась молодому городу эта разорительная безделушка! Зато большой любитель и покровитель театра, да и неплохой драматург граф Ланжерон, обитавший напротив, мог видеть театральные часы из окна своего кабинета. Но расходы на этом не кончились. Как я уже говорил, для присмотра за этими и первыми городскими часами за 500 рублей жалованья был нанят часовой мастер И.Ф. Марибо. 31 мая 1822 года он докладывал в Комитет, что для исправления «машины, действующей молотком, бьющим часы, и других частей, следует заплатить слесарю тридцать рублей».²⁸ 18 октября 1824 года в Комитет поступил рапорт Одесской ремесленной управы: «отряженные сведущие мастера часовых дел» освидетельствовали театральные часы. Оказалось, оные снова нуждаются в исправлении, причем расходы составят от 600 до 700 руб.²⁹

Несмотря на все расходы и исправления, театральные часы были скорее декоративны, нежели функциональны, и сверяться

по ним могли лишь те, кто находился в непосредственной близости. В те годы практиковался и расчисленный по времени выстрел с брандвахты, о котором пишет Пушкин. Но этот сигнал не мог, конечно, заменить куранты.

Немного информации о первых городских часовщиках. В заседании ОСК от 23 августа 1820 года рассматривалось «прошение часового мастера Ивана Марибо, коим просит за всеми городскими часами и за часами в Комитете присмотр поручить ему и определить жалованье то, что получал умерший Гантро, а часы на Театре положить 350 рублей, с тем, что у сих последних могущие случиться большие починки, или если в течение полугода он найдет какой недостаток, то исправление того не принадлежит его обязанности». Гантро получал 200 руб. в год, а его последователю определили жалованье «за часы городские театральные и Комитетские (то есть переданные Покровскому храму. – О. Г.)» 500 руб., с выдачей со времени смерти Гантро, поскольку Марибо «с тех пор (ими) занимается»³⁰.

Иосиф (Юзеф) Гантро (Гантр, Гантер) – первый фиксируемый по архивным документам городской часовщик. Мне удалось собрать о нем кое-какую информацию. 24 июля 1819 года «часовой мастер Юзеф Гантер» просил об отводе под застройку двух мест на Пересыпи. 12 августа эту территорию обследовал архитектор Фраполли, и в тот же день Комитет санкционировал отвод, причем часовщик обязывался в течение одного года построить дом по утвержденному плану³¹. Вероятно, Гантро не успел выполнить это обязательство, но это могла сделать его жена. В журнале заседаний Строительного комитета от 27 января 1821 года говорится о выплате вдове умершего часового мастера Гантро жалованья – с 1 января 1820-го по день смерти: из расчета 200 руб. в год, 66 руб. 66 и две трети коп. – за январскую треть года, 41 руб. 66 и две трети коп. – за майскую треть, итого 108 руб. 33 и одну треть коп.³² Простые вычисления показывают, что умер он в июле 1820-го, до истечения срока, определенного на застройку. Что касается практической деятельности этого мастера, то есть интересное упоминание в записях о заседании ОСК от 15 декабря 1819 года: часовых дел мастер Иосиф Гантро «купил для сделания медной доски для солнечных часов в Городском саду» 1 ½ пуда красной

меди, из расчета по 80 руб. за пуд, итого 120 руб. За вырезку и обделку оной доски им уплачено 130 руб., за установку 50 руб. Всего 300 руб.³³ Это означает, что часы эти в самом главном месте общественных гуляний были ощутимо облагорожены.

Что до Иоганна (Ивана) Фридриха (Федора) Марибо, он был подданным Дании – крайне редкий для юной Одессы случай. Служа городским часовщиком, он в то же время имел собственный солидный бизнес, скажем, с 1833 года производил торговлю по 1-й гильдии, оставаясь «иностранным гостем»³⁴. До этого времени содержал в так называемом Клубном доме Жана Рено (Ришельевская, № 3, Дерibasовская, № 10) часовую мастерскую.³⁵ А далее мастерская преобразовалась в элитарный салон продажи всевозможных часов с аксессуарами: настольных и каминных из бронзы, настенных и карманных. Впрочем, магазин в связи с кончиной Марибо через пару лет перешел в ведение его супруги Екатерины Федоровны и просуществовал до 1851 года³⁶. Мне удалось даже проследить зарубежные поездки ее и дочери Амалии в 1841 и 1842 годах.³⁷

Обстоятельства смерти мастера обозначены в чрезвычайно любопытном с точки зрения наших интересов архивном деле. 22 сентября 1834 года И.Ф. Марибо обратился к градоначальнику А.И. Лёвшину с прошением. Он пишет о том, что по болезни и рекомендации врачей должен уехать для лечения за границу на пять месяцев. При этом просит выплатить ему жалованье с 1 сентября 1833-го по 1 сентября 1834-го, сообщает о препоручении присмотра за городскими часами своему помощнику Фридриху Вейсу.³⁸ Лечение не помогло, и 22 июня 1835 года от генерал-губернатора в ОСК поступило следующее распоряжение: «По случаю смерти имевшего смотрение за здешними городскими часами Марибо, предлагаю Строительному комитету производившееся ему жалованье за сие из городских доходов по 500 руб. в год выдавать часовому мастеру Гельцелю, который и должен принять в свое заведование все вообще городские часы. А как он по распоряжению моему имел уже смотрение за некоторыми из городских часов (...) выдача ему означенного оклада начата была с января месяца сего года».³⁹

В деле содержатся: сообщение о выдаче 150 руб. помощнику Марибо из экстраординарных бюджетных сумм «за прежнее вре-

мя надзора его за городскими часами» от 12 августа 1835 года, расписка Ивана (Иоганна) Гельцеля о приеме на исправление часов в доме и канцелярии градоначальника от 6 сентября того же года, рапорт Думы градоначальнику от 4 сентября. В последнем, в частности, говорится, что «помощник часового мастера Марибо Федор Роер и часовой мастер Гельцель, быв вызваны в Думу, по требованию оной представили список пяти городским часам, на котором расписались они в исправной сдаче»⁴⁰.

Относительно упоминающихся персоналий – чуть ниже. А вот реестр городским часам – несомненно, самый вкусный и информативный момент. Привожу его в полном объеме:

«Список городским часам, которыми заведовал мастер Марибо, учинен августа 12 дня 1835 года.

1-е. Часы на Городском театре, большие, железные.

2-е. Часы в Одесской градской думе, стенные, старые, с недельным заводом, в простом деревянном ящике.

3-е. Часы в Городовом магистрате, стенные, подержанные, с недельным заводом, в деревянном окрашенном ящике.

4-е. Часы в Одесском строительном комитете, одной формы с думскими, в простом деревянном ящике.

5-е. Часы в Одесской градской полиции, стенные, простые, с недельным заводом, в простом деревянном ящике.

Для всех пяти часов один железный ключ. Означенные часы сданы все исправными. На подлинном подписали помощник часового мастера Марибо Федор Роер. Означенные часы принял Иван Гельцель».⁴¹

Из этого перечня и предыдущих выкладок четко видно: 1) до этого момента в Одессе не было других курантов; 2) первые городские часы, переданные из Покровского храма в Думу («старые»), в оной и находятся.

Дело завершается прошением вдовы Марибо о выплате ей остатка мужниного жалованья и соответствующим распоряжением градоначальника.⁴²

Теперь вернемся к персоналиям. Роер – лицо малоизвестное в среде часовщиков, судя по всему, подмастерье. Возможно, это он или его сын позднее сделались одесскими домовладельцами.⁴³ А вот Гельцель и Вейс (Вейсе) – фигуры довольно популярные

в сказанной отрасли. Первый – хозяин часового салона в доме Греческого училища, на углу Дерибасовской, № 14, и Екатерининской (где построен «дом китобойцев»), второй содержал аналогичный магазин в доме Посылина, бывшем Мясникова, на углу Дерибасовской, № 11, и Ришельевской, № 6, где теперь банк. Оба предприятия жили долго и плодотворно: первое до 1852 года, а второе и того дольше.⁴⁴

До начала 1836 года Гельцель владел хутором на городской земле, который продал.⁴⁵ 19 апреля 1841-го он утвердил в Строительном комитете фасад на постройку дома в XIX квартале 1-й части, место № 166.⁴⁶ Это сохранившийся до сей поры двухэтажный дом по улице Бунина, № 27. Здание возводилась на месте прежнего строения, состоявшего из двух фасадных и дворового флигелей.⁴⁷ Не исключено, этот новый дом Гельцеля вобрал в себя предыдущие постройки. Первым застройщиком места был нежинский грек, купец Николай Сурво (Сурва, Сувро).⁴⁸

В следующей части этого раздела нахожу необходимым изложить, прокомментировать или упомянуть еще несколько значимых архивных дел из фонда Одесского строительного комитета, касающихся появления и функционирования других, помимо театральных, башенных часов, в конце 1820-х – 1840-х годах. Как упоминалось выше, первые из них предполагалось установить на колокольне Спасо-Преображенской соборной церкви: «В прошлом 1828 году, – сообщается в архивном документе, – по разрешению бывшего одесского градоначальника г-на Богдановского куплены Городскою думою у мастера Гайста для вновь строящейся при соборной церкви колокольни башенные боевые часы за 2.500 рублей, в условии, чтобы он, Гайст, установил их на колокольне. Часы эти ныне находятся в Соборной церкви в ведении попечителей собора (священников. – О. Г.) Куницкого и Святенка. Января 15 1836 года».⁴⁹ О Гайсте, если фамилия не искажена писцами, пока не могу сообщить ничего определенного.

29 января 1837-го (в этом году началась большая достройка собора, ставшего кафедральным после разделения Екатеринославской епархии на собственно Екатеринославскую и Херсонско-Таврическую) комитетский комиссар Кленов, представитель известной фамилии одесских старожилов, докладывал градоначальнику:

чальнику в ответ на повеление того принять часы в свое ведение, подключив городского часового мастера Гельцеля. Кленов сообщает, что часы хорошо сохраняются в церкви, у протоиерея Куницкого, в специальном ящике, а потому просит разрешения оставить их на прежнем месте.⁵⁰ Из дальнейшего видно: часы оставались в храме, и только 13 сентября Кленов обратился в Комитет с просьбой поручить Гельцелю проверку исправности законсервированных часов, каковое распоряжение 25 сентября санкционировал градоначальник⁵¹.

11 января 1838-го из собора в ОСК поступило сообщение о том, что высокопреосвященный Гавриил, херсонско-таврический архиепископ, дал разрешение на установку часов, однако причт не берет на себя ответственность привести оные в действие. 15 февраля Гельцель получил новое предписание, а 15 марта рапортовал Комитету. Он пишет о том, что часы пребывают в должном виде, однако отмечаются и некоторые недостатки: 1) из-за длительной консервации механизм требует очистки; 2) часы, как видно, куплены без циферблата, стрелок и гири. Для приведения в надлежащий порядок необходимо провести соответствующие мероприятия и приобретения. К рапорту прилагается смета на 1.872 руб.⁵²

Третьи городские башенные часы наметили установить на крупнейшем городском рынке – Старом базаре, где с самых первых лет функционирования во второй половине 1790-х о начале и окончании торговли сигнализировал подъем и спуск флага⁵³, каковую процедуру следовало сверять по часам. В 1830-1840-х годах этот рынок постепенно приобретал благолепный облик под надзором архитектора Джорджо Торичелли, здесь возвели сдававшиеся на конкурсной основе в аренду четыре городские «шопы», а в центре площади – так называемый обжорный ряд с каланчой, городские весы⁵⁴. Одновременно позитивно преобразились многие частные здания по периметру базара.

И здесь на арену вновь выходит устроитель первых городских курантов. В отношении градоначальника генерал-губернатору от 6 июня 1836 года читаем: «Пребывающий временно в Одессе австрийско-подданный Франц Кастелаци» подал составленные условия (кондиции) – он желает принять на себя устройство

предполагаемых часов за 1.500 руб. ассигнациями. Градоначальник находит цену невысокою, ибо выписка подобных часов из-за границы обошлась бы гораздо дороже. Прошение соискателя на итальянском языке прилагается, подписано оно Francesco Costellazzi, то есть Франческо Кастеллацци, из Генуи.⁵⁵

Здесь же подробные сведения о контракте и перевод с итальянского. Часы устанавливаются на месте, какое укажет городской архитектор, материалы для установки, защиты от пыли и непогоды поставляются от Комитета, часы подобны театральным, циферблаты (квадранты) находятся на каланче с южной и северной сторон, будут фиксировать часы, полчаса и четверти часа, но не отдельные минуты. То есть в течение часа одна стрелка перемещается лишь четырежды, «рывками». Покупка и установка колокола осуществляется средствами ОСК. Выплата следуемых мастеру денег – в четыре приема, первый транш – при заключении контракта. Поручителями выступили: представитель известного купеческого рода греков-старожилов Осип Вентури (Винтури) и совершенно неизвестный мне Джузеппе Джизнайо (Gisnaio).⁵⁶

Далее – переписка относительно колокола. 20 июля 1836 года директор Городского театра надворный советник Рено докладывал градоначальнику о том, что должен отдать архитектору Торичелли запасной колокол к театральным часам для установки на каланче «обжорного ряда». Поскольку этот колокол прикован к балке при театральным часам, его без повреждения должен снять мастер. 27 августа Рено рапортовал градоначальнику: колокол снят и принят командиром арестантской роты капитаном Драгутиным для намеченной переустановки.⁵⁷

Все как будто предвещало скорое завершение проекта, но не тут-то было. 14 октября Торичелли доложил в Комитет: Кастеллацци устроил часы «противу обязательства своего», почему необходимо профессиональное их освидетельствование. 27 октября Комитет получил бумагу из канцелярии градоначальника: Кастеллацци говорит, что Гельцель отказывается осмотреть часы, следует обязать его сделать это в трехдневный срок. В свою очередь, Гельцель на следующий день рапортовал градоначальнику Левшину, что приступил к освидетельствованию, однако находит нужным присутствие еще двух экспертов, часовых дел мастеров.

3 ноября последовало соответствующее предписание Ремесленной управе.⁵⁸

12 ноября 1836 года ремесленный голова Ширмер докладывал Левшину: для освидетельствования сказанных часов были командированы часовые мастера Иоганн Гельцель, Фридрих Вейс и Юлиус Лехнер. С первыми мы уже знакомы, последний же был столь же авторитетным солидным часовщиком и в те годы содержал свой салон на углу Ришельевской и Греческой улиц, в доме одесского старожила Андриянского⁵⁹. Мастера пришли к выводу: часы устроены «не по всей аккуратности часового мастерства». Поэтому они не могут гарантировать долговечность использования. И прежде всего, по той причине, что само строение каланчи «для помещения тех часов тесно, а потому оные будут требовать частой поправки». 30 января 1837 года Гельцель сообщил Комитету об осмотре часов, произведенном совместно с градоначальником, после которого Каstellаци получил указание: укрепить часы железными винтами, сделать две деревянные подставки для удержания часов и восемь железных крюков для подвески гирь. Тот обещал, но ничего не предпринимает, а посему Гельцель и не может принять от него часы.⁶⁰

15 мая из Городской полиции градоначальнику сообщили о том, что после троекратной публикации в «Одесском вестнике», как того требовали правила о выезде за рубеж, Каstellаци 17 марта выехал в Италию, в город Верона.⁶¹ Из дальнейших документов, содержащихся в деле, становится очевидным: часовщик оказался дальновидным и вовремя убрался из Одессы, удовлетвовавшись лишь четвертью предусмотренной контрактом суммы. Он понял, что укреплением часов дело не кончится, ибо сама каланча в существующем виде мало пригодна для бесперебойного функционирования таких часов. Следовательно, он мог застрять в городе на непредвиденное время и пронести куда более ощутимые финансовые потери.

Так оно и получилось. 11 июня Одесскую ремесленную управу снова обязали освидетельствовать часы, «с присовокуплением, что нужно будет сделать для приведения их в совершенство, и чего стоить будет сия работа». Затем разразилась чумная эпидемия, и о часах надолго забыли. Только 29 марта 1840-го управе

Александровский проспект и Покровский храм, где помещались первые городские часы

напомнили о предписании бывшего городского головы. 9 апреля из управы напомнили об освидетельствовании 1837 года, и о нынешнем повторении этой процедуры по предписанию помощнику старшине часового цеха Адаму Рутковскому и мастерам Фридриху Шнелю (правильно – Шилю. – О. Г.) и Станиславу Крупинскому. 8 апреля эти часовщики донесли управе: «... те часы по дурному своему устройству и несовершенству к употреблению негодны, так что и починить их, как следует, нет возможности, а потому и определить цену починки и что следует починить означить не можно»⁶². Все три мастера также известны: первый в те годы содержал салон на Греческой улице, в доме Артемьевой, а двое других – в издавна облюбованном часовщиками доме Греческого училища.⁶³

12 августа 1840-го из управления генерал-губернатора в ОСК поступило предписание продать эти «иностранные часы», выписав взамен другие. На это выделяется не более тысячи рублей серебром из суммы 1.428 руб. 57 коп., ассигнованной по смете сего года на устройство часов, а оставшиеся средства употребить на их установку и переустройство каланчи. Деньги же от продажи старых часов обратить в городской доход. Что касается «виновных в дурном устройении и принятии теперешних часов,

Строительный комитет не оставит сделать свое законное постановление и зависящее распоряжение»⁶⁴. Стрелочника, впрочем, не нашли, что и немудрено, во всяком случае, из документов дела не видно никаких карательных действий Комитета.

В последний день уходящего 1840 года Ремесленная управа со всею определенностью докладывает военному губернатору и управляющему гражданской частью: каланча тесна для часов, и здесь они не будут иметь верный ход. Такой оборот как раз и предвидел Кастеллацци, которому каланча была, так сказать, предписана. Но тогда подобное предписание должно было быть сделано после соответствующего инженерного обоснования, и, следовательно, лично итальянского часовщика обвинять не в чем. Что касается выписки новых часов, управа считает необходимым обратиться к Иоганну Гельцелю, «который двое таких часов доставил в город Одессу, и в сем деле имеет совершенное сведение и надлежащее искусство и опытность, равно и о устройстве самой каланчи и в помещении оной часов»⁶⁵.

Любопытное дело: устроенные Кастеллацци театральные часы к тому времени исправно прослужили городу более двух десятилетий, но его выставляют таким профаном. Попадает круговой порукой корпорации местных часовых мастеров, подыгрывающих друг другу, тем паче проблема в большей степени упирается в устройство каланчи. Вспомним, что первичные претензии городского часовщика касались собственно не самых часов, а обстоятельств установки. Но, быть может, я чересчур подозрителен, и в действиях местных умельцев не было никакого несправедного умысла.

Так или иначе, 24 февраля 1841 года исправляющий должность городского архитектора Луиджи Камбиаджи докладывал свои соображения в Комитет по поводу «увеличения, возвышения и укрепления часовой башни на площади Старого базара». Проинспектировав каланчу, он нашел «исполнение упомянутого проекта невозможным во всех отношениях». Почему? Во-первых, переустройство пришлось бы начинать с фундаментов под погребями «обжорного ряда» «с ужасными издержками». Во-вторых, стены башни недостаточны для ее надстройки. Впрочем, архитектор предлагает другой вариант. Можно разобрать лестницу, «которая

ныне служит для восхождения солдату, чтобы поднимать и спускать ежедневно флаг базара, который флаг можно будет также поднять и внизу, с дворика, который находится у основания самой башни». Тогда комната для часов увеличится, ибо лестница занимает половину оной. Места будет столько, что механизм сможет обеспечить действие циферблатов со всех четырех сторон. А в жестокие морозы можно обеспечить отопление помещения чугуною печью.⁶⁶

В деле нет никаких документов, связанных с отзывом на предложение Камбиаджио, а только опись старых часов от 31 января 1841-го с мизерной оценкой оных в 20 рублей серебром. Кроме того, прилагается донесение командира арестантской роты Драгутина от 1 сентября того же года о том, что эти старые часы сняты и доставлены в аукционную камеру⁶⁷. Таким образом, растянувшаяся на пять с немалым хвостиком лет эпопея закончилась ничем. Однако она все же имеет свое продолжение, отчасти обозначенное в следующем синхронном архивном деле под заголовком «О выписке из-за границы для города трех часов башенных»⁶⁸ и другом, которое упомянем ниже.

В комитетском журнале от 14 марта 1841 года значится: по бюджету 1840-го ассигновано 5.000 рублей ассигнациями для устройства новых городских часов на Старом базаре. По смете 1841-го – 15.000 руб. для устройства трех новых часов: на Новом базаре, в Городской больнице и в Карантине, как «по особой надобности», так «и для украшения города»⁶⁹. 12 мая 1841-го генерал-губернатор М.С. Воронцов пишет военному губернатору и управляющему гражданской частью Д.Д. Ахлестышеву о заказанных в Англии трех башенных часах. «Ныне, – продолжает граф, – комиссионер мой в Лондоне, г. Моберли» уведомил, что они заказаны и вскорости будут отправлены в Одессу на имя господ Е. Мас (Маас, Масс) и Компании. Здесь же перевод накладной. Моберли погрузил в хорошем порядке «на стоящее на реке Темзе на якоре благонадежное судно, именуемое «Розалинда», шкипер В.М. Коке-риль, для отвоза в Одессу. Лондон, 15 октября 1841»⁷⁰.

Здесь необходимы пояснения. Эдвард Моберли – давний и надежный деловой партнер семейства Воронцовых, он из числа поставщиков, снабжавших еще российский экспедиционный корпус во Франции, которым командовал граф Михаил Семенович. После

того как последний был назначен новороссийским генерал-губернатором и бессарабским наместником, Моберли связал свои интересы с Одессой и краем. Согласно наименованию утраченного архивного дела из фонда Одесского городского магистрата, в 1824 году он причислен в одесское 1-й гильдии купечество.⁷¹ Моберли, в частности, занимался экспортом крымских вин из имений Воронцова, выполнял различные его поручения, владел хутором на Куяльнике, а его супруга Генриета – магазином (складом, амбаром) по Канатной улице⁷². Основатель крупного экспортного торгового дома (1838) Маас – фигура куда более известная в Одессе⁷³, в деле несколько раз прямо упоминается имя главы фирмы, Эрнеста (Эрнста, Ариста) Ефимовича⁷⁴.

13 мая 1842 года Маас и Компания сообщили Ахлестышеву о прибытии английского судна с ожидаемым грузом. Правда, название парусника и имя шкипера несколько иные: «Розанна» и Кейт. Доставлено пять мест из шести, поскольку последнее по ошибке шкипера выгружено в Константинополе. Фирма за его недосмотр ответственности не несет, а потому просит оплатить доставку сполна.⁷⁵

22 мая в ОСК поступил доклад Камбиаджио, в котором снова представлена идеология устройства часов на Старом базаре. Суть такова: для проектируемых часов с четырьмя циферблатами башня мала, поэтому надо перестроить ее в новое двухэтажное здание, доход от которого перекроет расходы. Кроме того, архитектор подготовил проект часов с двумя циферблатами «для карантинных ворот возле гауптвахты» (то есть карантинной гауптвахты, ибо главная находилась на углу Соборной площади и Преображенской

Примерно так выглядели первые городские часы

улицы). Наконец, еще одни часы, с одним циферблатом, намечено установить в Городской больнице: на фронтоне главного корпуса, без значительных издержек, пристройкою на крыше маленькой террасы для размещения колокольни.⁷⁶ С этими последними часами позднее вышла немного курьезная история: взамен новых тут установили старые театральные (ущербным людям – дефективное время), а на театре, естественно, новые.

29 мая член ОСК, представитель авторитетного купеческого рода муниципальных деятелей Черепенников, принимал прибывшие из Альбиона часы совместно с городским часовщиком Гельцелем. В наличии оказались все комплектующие, кроме двух стрелок и двух медных колес. Отмечено также, что часы требуют шлифовки и должной смазки.⁷⁷ 27 июня командир арестантской роты Драгутин передал одни из новых часов (как раз те, что Камбиаджи предлагал для больницы) для установки на здании Городского театра архитектору Торичелли, о чем имеется расписка последнего⁷⁸.

Ближе к финалу рассматриваемого архивного дела есть любопытное указание от 17 июля 1842 года, довольно точно датирующее переход функции городского часовщика от Иоганна Гельцеля к Морицу Штерну. В этот день военный губернатор предписал Черепенникову и городскому часовому мастеру Штерну составить подробную опись находящимся у Драгутина всем ящикам с часами и комплектующими.⁷⁹ Информацию и библиографию о Штерне я включил в монографию о первых одесских некрополях.⁸⁰

Дальнейшая история «часовой каланчи» на Вольном рынке изложена в довольно объемном архивном деле (1842) под названием «О переделке верхней части башни внутри шопы на Старом базаре и об устройстве всех предметов, нужных для постановления механизма»⁸¹. Кроме того, в разных источниках есть сведения об оконченной в 1848 году постройке «башни с часами» в Карантине⁸². Два-три десятилетия спустя в прессе часто упоминаются как наиболее функциональные городские башенные часы на Старом базаре, театре и соборе.⁸³ Я собрал много информации о целом ряде часовых дел мастеров, о часовых магазинах и мастерских, городских часовщиках 1830-1890-х годов, однако эта тема выходит за рамки данного исследования.

Примечания

- 1 Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – В печати.
- 2 ГАОО, ф. 17, оп. 5, д. 4, л. 15.
- 3 Там же, л. 2, 3.
- 4 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 42-43.
- 5 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 173.
- 6 Там же, д. 270, 271 (утрачены).
- 7 Там же, д. 256, 260, 261, 263 (утрачены).
- 8 Там же, д. 264, л. 323 об.
- 9 Там же, д. 274, л. 56.
- 10 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 136, л. 38 (61) об.
- 11 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 207.
- 12 Там же, д. 259, л. 25.
- 13 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 140, 144, 230.
- 14 Там же, д. 2163. – 20 л.
- 15 Там же, ф. 4, оп. 8, д. 314, л. 1.
- 16 Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 791.
- 17 Олег Губарь. Функция Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы. – Дерибасовская – Ришельевская. Альманах. № 3 (54), 2013. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», с. 6-21.
- 18 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 136, л. 1.
- 19 Там же, л. 2, 8.
- 20 Там же, л. 10, 24.
- 21 Там же, л. 11, 23.
- 22 Там же, л. 33-37, 42.
- 23 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 320.
- 24 Там же, д. 276, л. 312 об., 421.
- 25 Там же, л. 364.
- 26 Там же, л. 453.
- 27 Там же, д. 277, л. 59-60.
- 28 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 136, л. 46.
- 29 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 142 об. – 144.
- 30 Там же, д. 278, л. 166 об.
- 31 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 153-б, л. 111, 112, 113.
- 32 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 48 об. – 49.

- ³³ Там же, д. 276, л. 421.
- ³⁴ Там же, ф. 4, оп. 8, д. 369. – 6 л.; Там же, д. 578. – 10 л.
- ³⁵ Одесский вестник. – 1831, 29 апреля, № 34; Там же, 6 мая, № 36.
- ³⁶ Новороссийский календарь на 1836 год, с. 143; То же на 1837 год, с. 167; То же на 1838 год, с. 149; То же на 1839 год, с. 270; То же на 1842 год, с. 284; То же на 1850 год, с. 323; То же на 1851 год, с. 335.
- ³⁷ Одесский вестник. – 1841, 30 апреля, № 35; Там же, 1842, 8 и 11 апреля, № 28 и 29.
- ³⁸ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1941, л. 1, 3.
- ³⁹ Там же, л. 8.
- ⁴⁰ Там же, л. 14, 17, 18.
- ⁴¹ Там же, л. 19.
- ⁴² Там же, л. 22, 23.
- ⁴³ Там же, ф. 59, оп. 2, д. 1003. – 3 л.
- ⁴⁴ Новороссийский календарь на 1835, с. 143; То же на 1837, с. 166; То же на 1838, с. 149; То же на 1839, с. 270; То же на 1842, с. 284; То же на 1850, с. 323; То же на 1851, с. 335; То же на 1852, с. 338; То же на 1853, с. 377; То же на 1854, с. 365.
- ⁴⁵ ГАОО, ф. 59, оп. 3, д. 252. – 4 л.
- ⁴⁶ Там же, оп. 2, д. 565, л. 43, 44.
- ⁴⁷ Один из фасадных флигелей обозначен уже на городском плане Ф. Фраполли 1807 года. – ОГИКМ, Инвентарный № К-602. На последующих планах фиксируются достройки.
- ⁴⁸ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 171-175. – Греки Одессы. Ч. I. – Труды Государственного архива Одесской области. Т. II, 2000, с. 270-271.
- ⁴⁹ Там же, д. 2163, л. 1.
- ⁵⁰ Там же, л. 3.
- ⁵¹ Там же, л. 11, 12, 20.
- ⁵² Там же, л. 13, 14, 15, 16-17, 18.
- ⁵³ Там же, ф. 4, оп. 3, д. 404. – 2 л.
- ⁵⁴ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 253. – 7 л.; Там же, д. 301. – 3 л.; Там же, д. 1115. – 31 л.; Там же, д. 1934. – 144 л.; Там же, д. 2168. – 15 л.; Там же, оп. 2, д. 112. – 26 л.; Там же, д. 554. – 9 л.; Там же, д. 606. – 19 л. Это, понятно, лишь часть дел, относящихся к данной проблематике.
- ⁵⁵ Там же, оп. 2, д. 477, л. 1, 2.
- ⁵⁶ Там же, л. 3, 4-5, 6, 7, 8, 10.
- ⁵⁷ Там же, л. 14, 16.
- ⁵⁸ Там же, л. 18, 19, 20, 21.

- 59 Новороссийский календарь на 1837 год, с. 166; То же на 1838, с. 149; То же на 1839, с. 270; То же на 1842, с. 284. С конца 1840-х в справочниках не значится.
- 60 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 477, л. 22, 30.
- 61 Там же, л. 32.
- 62 Там же, л. 35, 37, 38.
- 63 Новороссийский календарь на 1842 год, с. 284.
- 64 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 477, л. 49.
- 65 Там же, л. 54, 57.
- 66 Там же, л. 59, 63.
- 67 Там же, л. 67, 71.
- 68 Там же, д. 586. – 94 л.
- 69 Там же, л. 5.
- 70 Там же, л. 12, 30.
- 71 Там же, ф. 17, оп. 3, д. 789 (утрачено).
- 72 Там же, ф. 59, оп. 3, д. 430. – 2 л. – Архив князя Воронцова. – Кн. XXXVIII. – М., 1892, с. 351; Одесский вестник. – 1830, 29 января, 1 и 19 февраля, № 9, 10, 15. В том же году и ранее (1827, № 100: разнообразные вина и английский эль) в газетных объявлениях Моберли часто фигурирует в паре с компаньоном Симпсоном (80-е №№); Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 3.
- 73 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 266, 466-467, 490, 550, 558.
- 74 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 586, л. 44, 46, 58.
- 75 Там же, л. 58.
- 76 Там же, л. 68-69.
- 77 Там же, л. 70.
- 78 Там же, л. 75, 76.
- 79 Там же, л. 88.
- 80 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 476-477.
- 81 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 607. – 109 л.
- 82 К. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1852, с. 261; Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 338.
- 83 Одесский вестник. – 1871, 3 июня, № 118.

